

Трудовой фронт

Родионова Мария Сергеевна

Родилась я в д. Марьино Тепло-Огаревского района 14 апреля 1926г.

26 октября 1941 года немцы пришли в д. Марьино. В это время папа еще был дома. У нашей семьи (7 человек: я, старший брат – с 1923 года, бабушка и дедушка – папины родители, папина сестра, папа и мама) была землянка.

Немцы окружили деревню со всех сторон. Папа сказал маме «Дунь, иди с ребятами к Красивому озеру (около километра пути), а я тут буду со стариками». Мы ушли, а он остался. В этот день немцы собирали всех подростков, какие были дома, и подходящих мужчин – угнали их в с. Мещерино в сторону г. Плавска. Оставалась только тетя (папина сестра) и двое стариков, им было по 75 лет. Это было под октябрьскую.

Мы находились на Красивом озере, когда нам сказали: «Вы сегодня сгорели». У нас скотина была – корова, овцы, поросенок, куры. Ночью крыша сгорела, а потолок остался в нашем доме. Тетя с дедушкой где-то взяли лестницу и кидали снег, снег пошел. Дедушка втирал его в потолок. С нами был Ноянов Михаил Сергеевич, у них дом был слабенький – стены сгорели и развалились, а наш остался и мы жили.

Шли человек 12 немцев. Один выстрелил в дедушку, ранил его в живот. Пуля прошла на вылет. Он сутки прожил. Когда мы пришли он уже умер.

Мне было 15 лет, закончила 7 классов, а брат Иван в этом году закончил 10 классов. Его взяли весной в армию в Епифани и назначили учиться. А когда пришли немцы, то их распустили, ему было 18 лет.

Мы пошли на озеро Крутое в 6 километрах от д. Марьино ночью, нас встретили немцы, отняли еду, вещи. Мы переночевали и вернулись домой. Дедушка был мертв, находился дома 5 суток, гроб сделать было не из чего.

Немцы распустили мужиков (из с. Мещерино), папа вернулся домой. Затихли бои, папа кое из чего сколотил гроб и похоронили дедушку на кладбище. Я не ездила, правда, хоронить. Был брат, но он не запомнил место. Мы не знаем, где он похоронен. Немцы много траншей и ям понарыли.

В феврале 1942 года папу и брата забрали на войну. Папа был в трофейной части, трофеи собирали, а брата послали на Урал учиться на офицера. Пока он учился, война и закончилась.

В августе папа погиб.

Крышу дома весной построили, соломой покрыли. Хлеб пекли сами, мука оставалась. Родители были тружениками. Я помогала им снопы таскать. Мама сильно себя мучила работой, все вручную делали. Я спрашивала: «Мама, зачем себя так сильно мучаешь?», а она: «Что же я буду дома сидеть? Старики ведь работают».

Были семьи с 7-9 детьми, они сидели дома, а у нас только я самая младшая была. А папа учетчиком трактора был, зарабатывал. Топились соломой, хлеб был, мука оставалась, были хлебушки.

В 1942/3 году лес загорелся, мы опять сгорели. Так мы и остались – я, мама, папина сестра и бабушка. Бабушка умерла в 1952 году. Мама умерла в 1960 году, ей было 60 лет. Жили трудно, все было на маме – и скотина, и хозяйство, и дом без крыши с соломой.

После окончания войны пришел брат, он немного был на войне. Работал физруком в школе, женился.

Работала я в колхозе до 1949 года. В 1949 году я поступила работать в типографию, наборщицей ручного набора, проработала там 40 лет. Пришлось и газету верстать. Не помню, сколько лет работала верстальщицей газеты, больше 10 лет, наверное. Ушла на пенсию в 62 года. И вот живу на пенсию. Сейчас мне пошел 95-й год.

С мужем прожили 28 лет, он умер в 1982 году. Нажили одну дочку. Есть внук.

Награды: Ударник соцтруда.

*Из рассказа
Родионовой Марии Сергеевны, 2020 г.*